

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ВЕРСИЯ ПИТИРИМА СОРОКИНА

1. Одним из наиболее ярких качеств Питирима Сорокина как учёного была его способность находить новые поля исследования для социальной науки, подмечать общественные тенденции, которые только ещё зарождались, и давать долгосрочные прогнозы на будущее. Это относится, например, к его теории конвергенции. Ещё во время Второй мировой войны он издаёт книгу «Россия и Соединённые Штаты», в которой делает вывод, что две державы постепенно сближаются во всём комплексе экономического, политического, культурного устройства и оценки их с точки зрения «капитализма» и «коммунизма» становятся неуместными. Это уже новый тип государства и общественно-экономического устройства. Но теория конвергенции Сорокина (прочитанная именно как конвергенционная концепция в 50-60-е, когда любые международные коллизии рассматривались через призму противостояния капитализма и социализма) фактически гораздо шире по своему содержанию и сейчас вполне способна пролить новый свет на глобализационные процессы современности.

Для Сорокина главные коллизии истории лежат в моральной сфере, которая в его интерпретации современной эпохи является поистине «глобальной» проблемой, а не внутренним делом суверенных государств. Сорокин всегда смотрел на границы между государствами как на некую условность, которая не способна удержать в непреодолимых рамках такие социокультурные системы, как язык, этнос, искусство, наука, религия, мораль и т. д. Поэтому, когда с резким возрастанием информационных связей, коммуникаций, качественным совершенствованием средств сообщения национальные границы обнаруживали свою всё большую прозрачность, для Сорокина заметить это было естественным. Из факта прозрачности границ и образования единого пространства социокультурного взаимодействия стран и

континентов он делает тот вывод, что переход к новой социокультурной системе уже не есть узкое дело отдельных развитых стран или Запада в целом, а процесс, охватывающий всю планету без исключения. Таким образом, глобализация, как её понимал Сорокин, – это прежде всего распространение тенденций, связанных с переходным этапом, в глобальном масштабе на все страны и всё человечество.

А суть происходящего, по мнению учёного, в том, что каждый раз, когда происходит подобный кризис, он «производит основательную и эпохальную революцию в человеческой культуре» [1, с. 435]. Такая эпоха всегда характеризуется подлинными драмами и глубокими конфликтами. Не исключение и современность: «Нам предоставлен редкий шанс жить, наблюдать, мыслить и действовать в котле такого мирового пожара» [1, с. 235].

2. Повторение одних и тех же суперсистем вытекает из принципа ограниченных возможностей основных интегрированных форм культуры. Если число неинтегрированных форм практически бесконечно, то интегрированных – весьма невелико. Например, представлений (в форме интегрированной системы знания) о природе подлинной реальности может быть, согласно Сорокину, лишь пять. Систем истины – шесть. Искусства – три. И т. д. А так как «каждая из систем истины, подлинной реальности, форм искусства, этики, форм социальных, экономических, политических и других отношений является не чем иным, как подсистемой нашей суперсистемы, и поскольку как таковые они живут и изменяются вместе, их совокупное скоординированное повторение и составляет повторение идеациональной, идеалистической и чувственной фаз в процессе исторического развития нашей суперсистемы» [2, с. 785].

В основе каждой из суперсистем лежит в качестве большей посылки её система истины и реальности. Все составные части суперсистемы являются выражениями этой системы истины и реальности и следствиями из

неё. Теоретически каждая из этих систем может быть либо абсолютно истинной, либо абсолютно ложной, либо частично истинной и частично ложной. Логика при этом простая. Если одна из систем абсолютно истинна, тогда две остальные абсолютно ложны. В таком случае истинная система будет существовать вечно, так как «трудно предположить, что абсолютно ложная и неадекватная система реальности и истины могла бы вытеснить абсолютно истинную систему или что полное невежество могло бы победить подлинное знание, которое даёт адекватное представление о действительности, благодаря чему носители этого знания могут жить реальной жизнью, успешно адаптироваться к познанной им окружающей среде и, благодаря всему этому, в большей степени пользоваться плодами социальной жизни и культуры, нежели люди, чьё общество и культура основаны исключительно на заблуждении и незнании» [2, с. 786]. Но действительность опровергает такое предположение: ни одна из культур не существует без замены её другой даже в пределах известного нам исторического времени. Точно так же исключается, чтобы каждая из систем была абсолютно ложной: это быстро привело бы к гибели и культуры, и самого общества. Поэтому остаётся последний из вариантов: что каждая из основных систем истины и реальности отчасти истинна и отчасти ложна. Соответственно – и основанные на них формы культуры. Только так можно, полагает Сорокин, объяснить суперритмы в системах культур. В каждой культуре есть «жизнеспособная» часть, которая обеспечивает её выживание, ресурсы для приспособления к окружающей среде. Но наряду с ней есть и другая часть – ошибочная, которая уводит от истины и верных решений, даёт псевдознание вместо знания. По мере развития системы растут обе её части: как здоровая, так и ложная. Со временем доминирующая система вытесняет из культуры все другие системы истины и реальности, вместе с их способствующими адаптации составными частями. Рано или поздно, исчерпав собственные ресурсы, эта система теряет способность быть

удовлетворительным инструментом адаптации, ложная часть системы начинает перевешивать и вынуждает – во избежание гибели – к отказу от исходной системы и переходу на новый мировоззренческий «фундамент». Именно эти механизмы действуют в греко-римской и западной культурах. Они, в отличие от многих других, находили в себе внутренние силы и ресурсы для перехода от одной формы культуры к другой. Те, кто на это оказался не способен, были обречены либо на угасание, либо на долгое «полумёртвое прозябание» без творческих достижений и исторических свершений.

Современный этап Сорокин оценивает как переходный от сенсатной (чувственной) культуры к идеационной. Человечество, исчерпав ресурсы материалистического подхода к миру, переходит к противоположной стадии – основанной на признании сверхчувственных начал реальности. Идеалистическая (интегральная) культура при этом является промежуточной между ними. Но при этом образование интегрального миропорядка соответствует – в современных терминах – процессу глобализации. Предпосылкой объединения служит единство в системах истины. Флуктуация суперсистем происходила до сих пор лишь в рамках западного мира. Он теперь переживает очередную «волну». Но эта волна «захлестывает» собой и другие цивилизации.

3. Сорокин выделяет три главные тенденции в динамике развития современного человечества. Это, во-первых, «перемещение творческого лидерства человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку; во-вторых, продолжающаяся дезинтеграция до сих пор преобладающего чувственного типа человека, культуры, общества и системы ценностей; в-третьих, возникновение и постепенный рост первых компонентов нового – интегрального – социокультурного порядка, его системы ценностей и типа личности» [3].

Если второй и третий признаки относятся к явлениям ценностного порядка, то первый непосредственно указывает на экономические характеристики глобализации – именно они находятся в центре внимания большинства специалистов. По мнению учёных, в современную эпоху зарождается новая модель бытия, «в которой геоэкономика и геофинансы играют ключевую и центральную роль» [4]. «Перемещение творческого лидерства», о котором говорит Сорокин, указывает на включение в мировую экономику новых обширных регионов Азии, Африки и Америки. Сорокин имел в виду начало длительного процесса, в результате которого развивающиеся страны смогут на равных с традиционными лидерами участвовать в формировании мирового рынка и даже выходить на первые роли. Таким образом, Сорокин выдвигает гипотезу о том, что пульсация социокультурных процессов, ранее ограниченная Европой и Северной Америкой, теперь распространяется на остальной мир и становится поистине глобальной. То, что большинству теоретиков видится лишь механическим следствием развития крупного бизнеса, достигшего стадии транснациональных компаний, он трактует как глубокий процесс, в основе которого содержатся явления гносеологического порядка. Человечество во всей своей целостности вовлекается в культурное строительство, до сих пор активно проводившееся лишь западным миром. Новая смена социокультурных суперсистем становится общепланетарным делом.

Но она же сопровождается масштабным разрушением сенсатной суперсистемы. Кризис, связанный с разрушением старого и возникновением нового порядка, носит небывалый по масштабам характер. Сорокин утверждает, что новое интегральное устройство человечества возможно лишь в том случае, «если западным народам суждено продолжить свою творческую жизнь» [3]. Эпохальная борьба между умирающим чувственным и нарождающимся интегральным порядками имеет первостепенную важность.

«Эта гигантская борьба, – пишет Сорокин, – продолжается сейчас во всех аспектах социальной жизни и во всех сферах западной культуры – в науке, философии, религии, этике, праве, изящных искусствах, политике и экономике. Она продолжается в наших душах, наших умах, наших телах и в нашем открытом поведении» [3].

Причина драматизма событий заключается в том, что система человеческих ценностей – это главное средство сохранения порядка и мира. Если основой социального мира внутри какого-либо общества является наличие в нём целостной, твёрдо вошедшей в жизнь системы ценностей и соответствующих норм поведения, то это же условие необходимо для поддержания мира и между различными социальными образованиями, в том числе и государствами: «Главной причиной, или основой, международного мира является наличие в каждом из действующих обществ целостной, хорошо объединённой и усвоенной системы высших или главных ценностей и соответствующих норм, причём эти системы должны быть совместимы друг с другом» [5]. Нарушение этой единой системы ценностей ведёт к образованию в обществе социальных групп с различными, часто антагонистическими интересами, а это, в свою очередь, приводит к трагическим противостояниям.

Конфликты, сопровождающие процессы глобализации, находятся сейчас в центре внимания теоретиков, особенно после событий 11 сентября 2001 г. Но причины, которыми пытаются объяснить то и дело вспыхивающие противостояния, а иногда и прямые столкновения, в общем-то добавляют мало нового к обиходным объяснениям экономического характера (в комбинации с политическими мотивами) или к теории «столкновения цивилизаций». Видеть корни международного терроризма только в экономическом, историческом и мировоззренческом противостоянии «Запад-Восток» или «христианство-ислам» – значит валить в один котёл антагонизмы и проблемы, явно выходящие за

пределы этих слишком узких – в приложении к явлению терроризма – определений.

В этом смысле, кстати, приходится даже отчасти сожалеть, что с «уходом» биполярного мира «сошёл с арены» и такой объяснительный принцип, как «коммунизм-капитализм». Да, эта проблема фактически снята с разрушением коммунистических режимов и утверждением Соединённых Штатов как единственной мировой сверхдержавы. Но ведь за клише «коммунизм-капитализм» скрывалось и иное содержание – «добро-зло». Не зря же Рональд Рейган назвал Советский Союз «империей зла», а советская пропаганда, в свою очередь, находила западный мир морально разложившимся и капитализм – «загнивающим». Другой вопрос, соответствовало ли то и другое обвинение истинному положению дел. Но здесь важно иное: то, что само население враждующих «лагерей» чувствовало за собой именно моральную правоту, и это для людей было не менее важно, нежели вопросы экономического и политического соперничества.

У чувства моральной правоты могут быть самые разные корни, в том числе сугубо этноцентрического характера, когда принадлежности к тому или иному племени, роду, национальности, вероисповеданию и т. д. уже достаточно, чтобы видеть «погрязшими во зле» всех, кто не принадлежит к этим общностям. Поэтому есть доля правды и у сторонников теории «столкновения цивилизаций». Но ни это обоснование, ни соображения материального интереса не исчерпывают всего комплекса причин, по которым человек может ощущать себя сторонником «правого дела». Есть ещё и «чистая мораль», врождённое или благоприобретённое чувство справедливости и несправедливости, правды и лжи, любви и ненависти и т. д. И выкидывать её напрочь из факторов общественной жизни, в том числе и на уровне крупнейших конфликтов эпохи, – значит грешить против истины. Ведь не одна только экономическая конкуренция, но и глубокая внутренняя ложь подмыла, к

примеру, устоявшей советской системы и лишила её массовой поддержки. Между тем как раз эта сторона социальных явлений часто остаётся вне внимания современной социальной науки (зато её усиленно эксплуатируют политики, различные идеологические институты и ведомственная пресса).

Во многом такая картина складывается из-за того, что социальная наука всё ещё неохотно применяет исследовательские методы, для создания и введения которых в научную практику немало сделал Сорокин. К его бесспорным заслугам в сфере социальных наук причисляют то, что он сумел найти эффективный способ использования математических и статистических методов в изучении специфических социальных феноменов, присущих человеку и обществу, ценностных, морально-этических, мировоззренческих категорий. «Наиболее поразительная особенность работы Сорокина – это создание массивных накоплений социальной и культурной статистики, предназначенной служить в качестве базовых эмпирических указателей для основополагающих изменений в масштабе и характере социальных и культурных флуктуации. Конечно, более, чем любой другой учёный, имеющий дело с проблемами социологии познания, Сорокин действительно оказал внимание максиме французского историка Жоржа Лефевра "это нужно рассчитать"» [6].

Путь, предложенный Сорокиным, сложен. Свою собственную методику вычислений он отличал от методов, доминировавших в современной ему социологии и сводившихся к механическому использованию математики и статистики – по прямому аналогу с их применением в физике и других естественных науках, то есть без учёта особой специфики социального мира. Эти попытки были, по мнению Сорокина, неизбежно обречены на неудачу. Целые направления и школы возникали и рушились одна за другой, как, например, «физикалистская» школа, про которую Сорокин писал, что, «подобно предшествовавшим "социальной физике", "социальной механике" и

"социальной энергетике", она потерпела неудачу в её похвальной попытке построить "естественнонаучную социологию". Её "операциональный" метод является пародией на "операциональный метод" физических наук» [7]. Сорокин настаивал на специфическом подходе к вычислениям в социальных науках, утверждая, что «только через непосредственную эмпатию, сопереживание и интуицию психологических состояний можно осознать сущностную природу и различия... религиозной, научной, эстетической, этической, правовой, экономической, технологической и других культурных ценностных систем и их подсистем. Без прямого живого опыта этих культурных ценностей они останутся *terra incognita* для внешнего наблюдателя и статистического аналитика... Эти методы бесполезны в понимании природы и различия между, скажем, философскими системами Платона и Канта, между этикой Нагорной проповеди и этикой ненависти, между геометриями Евклида и Лобачевского, между различными системами идей вообще. Только после успешного осуществления таинственного внутреннего акта «понимания» каждой системы идей и ценностей можно классифицировать их в соответствующие классы, помещая в один класс все идентичные идеи и помещая в разные классы разные идеи или ценности. Только после этого можно их подсчитывать – если они доступны для счёта – и совершать другие операции математического или статистического рода, если их возможно проделать. Иначе все наблюдения и статистические операции обречены быть бессмысленными, бесплодными и лживыми симулякрами (лат. *simulacrum* – подобие, образ. – Ред) реального знания» [8]. Сорокин ставит трудную и рискованную задачу – во всяком случае, Р. Мертон, который участвовал в подготовке статистических данных для «Социальной и культурной динамики», сам сомневался, что его труд по анализу 13 тысяч открытий и изобретений соответствовал «требуемому критерию» [9].

Однако другого пути, если мы хотим получить полную картину ценностных мотивов, разделяющих мир, всё равно нет. Причём «линия фронта» в моральном плане вовсе не совпадает с «линией фронта» между «ретроградами» и «прогрессистами». Как не было совпадения, собственно, и в противостоянии капиталистического и коммунистического миров. Как нет этого соответствия и в современной «войне с терроризмом» – в любой её версии, будь это чеченский конфликт, события в Афганистане или Ираке. Ведь ресурсы пропаганды не бесконечны. Чтобы успешно бороться с бандитами, нужна прочная поддержка населения. А для этого правительства и силовые структуры стран, подвергающихся атакам террористов, обязательно должны «очищаться» сами. Это неприятный и трудный процесс, который включает в себя – если взять сугубо этический аспект – признание и устранение собственной неправоты, с одной стороны, и признание чужой правоты – с другой.

Иначе говоря, задача политических и моральных лидеров мира состоит как раз в том, чтобы устранить несовпадение «линий фронта», чтобы добро и зло действительно разошлись по её разные стороны (хотя бы в общем, потому что в абсолюте это, конечно, невозможно). Наверное, особенно ясно это становится, если учесть, что в «войне с терроризмом» никакой линии фронта (в буквальном смысле этого слова) и нет. Очевидно, что все попытки «прочертить» её на конкретном ландшафте – например, как это было в Ираке – не соответствовали поставленной задаче: географические параметры линии фронта имели мало общего с реальной «передовой» в борьбе с террористами.

Литература

1. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
2. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2000.
3. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 101.
4. Кочетов Э. Г. Глобалистика. М.: Норма, 2002. С. 94.

5. Сорокин П. А. Причины войны и условия мира // Новый журнал. 1944. № 7. С. 238.
6. Merton R. K., Barber B. Sorokin's Formulations in the Sociology of Science // Pitirim A. Sorokin in Review. Durham, N. C: Duke University Press, 1963. P. 350.
7. Sorokin P. A. Fifty Years of Change in Sociology // Sociology and Social Research. 1956. Vol. 40. № 6. P. 406.
8. Sorokin P. A. Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences. Chicago: Henry Regnery, 1956. P. 160-161.
9. Merton R. K., Barber B. Sorokin's Formulations in the Sociology of Science // Pitirim A. Sorokin in Review. Durham, N. C.: Duke University Press, 1963. P. 356.

Н.Ф. Зюзев

<http://sorokinfond.ru/index.php?id=1285>